

В эвакуации

В. Б. АДАМСКИЙ

Впервые я увидел Андрея Дмитриевича Сахарова в декабре 1941 г. в Средней Азии. Дело в том, что Московский университет во время войны эвакуировали в Ашхабад. Добирались до Ашхабада разными путями. Основной поток (в том числе и А. Д. Сахаров, тогда студент) прибыл в этот город эшелонам, который был специально предоставлен для эвакуации Московского университета. Другая часть (порядка половины) студентов и преподавателей добиралась в Ашхабад самостоятельно, разными маршрутами, через другие города Средней Азии. Я был в числе тех, кто оказался в Ташкенте. В начале декабря ташкентскую группу собрали и направили в Ашхабад пассажирским поездом. Такой способ передвижения (в пассажирских, а не «телячьих» вагонах) казался давно забытой довоенной роскошью.

Основной эшелон и группа из Ташкента прибыли в Ашхабад практически одновременно. Нас размещали, в основном, по факультетам, но с некоторыми неожиданными объединениями. Несколько студентов-физиков разместили в каком-то довольно старом одноэтажном здании (по-видимому, школе) вместе с небольшой группой историков. «Наше» крыло состояло из трех проходных комнат. Старшекурсники, в том числе и Андрей Дмитриевич, занимали самую удобную дальнюю комнату. Я и два других физика-второкурсника вместе с тремя историками жили в первой проходной комнате. Сначала продовольственная ситуация в Ашхабаде была на уровне довоенной, но потом стала постепенно ухудшаться. Студенты пытались подработать где только можно, в особенности там, где расплачивались не деньгами, а хлебом или обедами. Многие постоянно испытывали чувство голода, и это ощущение было главной темой разговоров. Учеба все-таки продолжалась, несмотря на эти трудности, но в своеобразной форме. Я что-то не припоминаю, чтобы читались лекции. Но можно было сдавать экзамены и зачеты. В городе

Коллеги. Слева направо: В. Б. Адамский, А. П. Александров, Е. А. Негин, Ю. Б. Харитон, Ю. Н. Смирнов. Начало 1990-х гг.

была очень хорошая библиотека, и кто хотел заниматься, мог найти нужные учебники.

Я тогда не выделял особо Андрея Дмитриевича из общего числа старшекурсников, но все же запомнил его высокую фигуру. Создавалось впечатление, что он меньше других страдает от бытовых и продовольственных трудностей. В отличие от многих, в нем чувствовался какой-то оптимистический настрой. Часто на его лице можно было увидеть улыбку, обращенную, по-видимому, к самому себе, но являющуюся приятным контрастом общему озабоченному выражению лиц.

В марте 1942 г. меня призвали в Ашхабадское военно-пехотное училище, и я с тех пор Андрея Дмитриевича не видел.

Когда мы встретились уже здесь, в институте, мы не сразу вспомнили, что были вместе в ашхабадской эвакуации. Как-то однажды, разговорившись, обнаружили это обстоятельство, но больше эта тема в наших довольно частых и нередко продолжительных беседах не отражалась.

АДАМСКИЙ Виктор Борисович –

доктор физ.-мат. наук, лауреат Ленинской премии